ВТОРАЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстаго.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловка, домъ Волковыхъ.
1882.

ВТОРАЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстаго.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ.
1882.

Дозволено цензурою. Москва, сентября 17 дня 1882 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-й КНИГИ.

Стран.

Стран.

Дѣвочка и грибы. (Быль.)

Двѣ дѣвочки шли домой съ грибами.

Имъ надо было переходить черезъ желѣзную дорогу.

Онѣ думали, что машина далеко, взлѣзли на насыпь и пошли черезъ рельсы.

Вдругъ зашумѣла машина. Старшая дѣвочка побѣжала назадъ, а меньшая перебѣжала черезъ дорогу.

Старшая дѣвочка закричала сестрѣ: „не ходи назадъ!“

Но машина была такъ близко и такъ громко шумѣла, что меньшая дѣвочка не разслышала; она подумала, что ей велятъ бѣжать назадъ. Она побѣжала назадъ черезъ рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать ихъ.

Машина уже была близко и машинистъ свистѣлъ что было силы.

Старшая дѣвочка кричала: „брось грибы!“ а маленькая дѣвочка думала, что ей велятъ собрать грибы, и ползала по дорогѣ.

Машинистъ не могъ удержать машины. Она свистала изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку.

Старшая дѣвочка кричала и плакала. Всѣ проѣзжающіе смотрѣли изъ оконъ вагоновъ, а кондукторъ побѣжалъ на конецъ поѣзда, чтобы видѣть, что сдѣлалось съ дѣвочкой.

Когда поѣздъ прошелъ, всѣ увидѣли, что дѣвочка лежитъ между рельсами головой внизъ и не шевелится.

Потомъ, когда поѣздъ уже отъѣхалъ далеко, дѣвочка подняла голову, вскочила на колѣни, собрала грибы и побѣжала къ сестрѣ.

Оселъ въ львиной шкурѣ. (Басня.)

Оселъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали—левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ. шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбѣжался народъ: исколотили осла.

Какая бываетъ роса на травѣ. (Описаніе).

Когда въ солнечное утро, лѣтомъ. пойдешь въ лѣсъ, то на поляхъ, въ травѣ видны алмазы. Всѣ алмазы эти блестятъ, и переливаются на солнцѣ разными цвѣтами — и желтымъ, и краснымъ. и синимъ. Когда подойдешь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались въ треугольныхъ листахъ травы и блестятъ на солнцѣ.

Листокъ этой травы внутри мохнатъ и пушистъ, какъ бархатъ. И капли катаются по листку и не мочатъ его.

Когда неосторожно сорвёшь листокъ съ росинкой, то капелька скатится, какъ шарикъ свѣтлый, и не увидишь, какъ проскользнётъ мимо стебля. Бывало сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснѣе всякаго напитка кажется.

Курица и ласточка. (Басня.)

Курица нашла змѣиныя яйца и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

„То то глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ выростутъ, они тебя первую обидятъ“.

Индѣецъ и Англичанинъ. (Быль.)

Индѣйцы взяли на войнѣ въ плѣнъ молодаго англичанина, привязали его къ дереву и хотѣли убить.

Старый индѣецъ подошелъ и сказалъ: „не убивайте его, а отдайте мнѣ“.

Его отдали.

Старый индѣецъ отвязалъ англичанина, свелъ въ свой шалашъ, накормилъ и положилъ ночевать.

На другое утро индѣецъ велѣлъ англичанину идти за собой. Они шли долго, и когда подошли близко къ англійскому лагерю, индѣецъ сказалъ:

„Ваши убили моего сына, я спасъ тебѣ жизнь; иди къ своимъ и убивай насъ“.

Англичанинъ удивился и сказалъ: „зачѣмъ ты смѣешься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорѣе“.

Тогда индѣецъ сказалъ: „когда тебя стали убивать, я вспомнилъ о своемъ сынѣ, и мнѣ стало жаль тебя. Я не смѣюсь: иди къ своимъ и убивай насъ, если хочешь“. И индѣецъ отпустилъ англичанина.

Олень и Ланчукъ. (Басня).

Ланчукъ [1]) сказалъ разъ оленю:

„Батюшка, ты и больше и рѣзвѣе собакъ, да еще и рога у тебя огромные на защиту; отчего же ты такъ боишься собакъ?“

Олень засмѣялся иговоритъ:

„Правду говоришь, дитятко. Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужъ бѣгу“.

Жилетка. (Быль).

Одинъ мужикъ занялся торговлей и такъ разбогатѣлъ, что сталъ первымъ богачемъ. У него служили сотни прикащиковъ, и онъ ихъ всѣхъ и по имени не зналъ.

Пропало разъ у купца двадцать тысячъ денегъ. Стали старшіе прикащики розыскивать и розыскали того, кто укралъ деньги.

Пришелъ старшій прикащикъ къ купцу и говоритъ: „я вора нашелъ. Надо его въ Сибирь сослать“.

Купецъ говоритъ: „а кто укралъ?“ Старшій прикащикъ говоритъ:

[1]) Молодой олень.

„Иванъ Петровъ, самъ признался“.

Купецъ подумалъ и говоритъ:

„Ивана Петрова надо простить“.

Прикащикъ удивился и говоритъ:

„Какъ-же простить? Этакъ и тѣ прикащики то же будутъ дѣлать; всё добро растаскаютъ“. Купецъ говоритъ: „Ивана Петрова надо простить: когда я начиналъ торговать, мы съ нимъ товарищами были. Когда я женился, мнѣ подъ вѣнецъ надѣть нечего было. Онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣть. Ивана Петрова надо простить“.

Такъ и простили Ивана Петрова.

Лисица и виноградъ. (Басня.)

Лисица увидала — висятъ спѣлыя кисти винограда, и стала прилаживаться, какъ-бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобы досаду заглушить, она говоритъ: „зелены еще“.

Удача. (Басня.)

Пріѣхали люди на островъ, гдѣ было много дорогихъ каменьевъ. Люди старались найти больше; они мало ѣли, мало спали, а все работали. Одинъ только изъ нихъ ничего не дѣлалъ: а сидѣлъ на мѣстѣ, ѣлъ, пилъ и спалъ. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человѣка и сказали: „ты съ чѣмъ же домой пойдешь?“ Онъ взялъ поднялъ горсть земли подъ ногами и положилъ въ сумку.

Когда всѣ пріѣхали домой, этотъ человѣкъ досталъ свою землю изъ сумки и въ ней нашелъ камень, драгоцѣннѣе всѣхъ другихъ вмѣстѣ.

Работницы и пѣтухъ. (Басня.)

Хозяйка по ночамъ будила работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось; и онѣ

вздумали убить пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и еще раньше стала поднимать работницъ.

Самокрутка. (Быль.)

Одинъ мужикъ выучился мельничному мастерству и сталъ дѣлать мельницы водяныя, вѣтренныя и конныя

Потомъ онъ задумалъ сдѣлать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни вѣтра, ни лошадей: онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы тяжёлый камень спускался книзу и своей тяжестью вертѣлъ колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался—такъ, чтобы мельница ходила сама.

Мужикъ пошёлъ къ барину и сказалъ: „я придумалъ такую мельницу — самокрутку, что сама будетъ ходить безъ воды и безъ лошадей; только разъ завести, она и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока остановишь. Нѣтъ только у меня денегъ на лѣсъ, да на чугунъ. Дай мнѣ, баринъ, триста рублей денегъ, я тебѣ первому сдѣлаю такую мельницу".

Баринъ спросилъ у мужика—знаетъ ли онъ грамотѣ.

Мужикъ сказалъ, что не знаетъ.

Тогда баринъ сказалъ: „вотъ еслибы ты зналъ грамотѣ, я бы тебѣ книжку далъ о механикѣ, такъ ты бы прочёлъ о такой мельницѣ и увидалъ-бы, что такой мельницы сдѣлать нельзя, что много людей учёныхъ посходили съ ума—все выдумывали такую мельницу, чтобъ сама ходила.

Мужикъ не повѣрилъ барину и сказалъ: „въ книгахъ вашихъ много дурно пишутъ. Такъ-то ученый машинистъ построилъ крупорушку купцу въ городѣ, да только испортилъ, а я хоть не грамотный, да какъ взглянулъ, такъ увидалъ и переладилъ рушку — стала работать".

Баринъ сказалъ: „чѣмъ же ты подымешь свой камень, когда онъ спустится?"

Мужикъ сказалъ: „самъ по колесу поднимется".

Баринъ сказалъ: „поднимется, да ниже, а другой разъ поднимется ещё ниже и станетъ, какія ты колеса не прилаживай. Всё равно, какъ если на салазкахъ съ большой горы съѣдешь—

на маленькую поднимешься, а съ маленькой назадъ на большую никакъ не поднимешься".

Мужикъ не повѣрилъ, а пошёлъ къ купцу и обѣщалъ ему сдѣлать мельницу безъ воды и лошадей.

Купецъ далъ денегъ. Мужикъ строилъ, строилъ, простроилъ всѣ 300 рублей, а мельница не ходитъ.

Тогда мужикъ сталъ свое имѣніе продавать и всё простроилъ.

А купецъ говоритъ: „давай мнѣ мельницу, чтобы сама ходила безъ лошадей, или деньги давай назадъ".

Пришёлъ мужикъ къ барину и разсказалъ о своемъ горѣ.

Баринъ далъ ему денегъ и говоритъ: „оставайся у меня работать: строй ты мнѣ мельницы, только водяныя да конныя— на это ты мастеръ. а впередъ за то не берись, чего и поумнѣе тебя люди не сдѣлали".

Рыбакъ и рыбка. (Басня.)

Поймалъ рыбакъ рыбку. Рыбка и говоритъ:

„Рыбакъ, пусти меня въ воду; видишь я мелка: тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. А пустишь, да я выросту, тогда поймаешь—тебѣ пользы больше будетъ".

Рыбакъ и говоритъ:

„Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ".

Осязаніе и зрѣніе. (Разсужденье.)

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетенными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобы онъ катался промежъ обоихъ пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза, — увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше съ боку) на хорошее, чистое зеркало: тебѣ покажется, что это окно или дверь, и что тамъ сзади что-то есть. Ощупай пальцемъ, — увидишь, что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

Лисица и козелъ. (Басня.)

Захотѣлось козлу напиться: онъ слѣзъ подъ кручь къ колодцу, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ ревѣть. Лисица увидала и говоритъ:

„То-то безтолковый! Коли-бы у тебя, сколько въ бородѣ волосъ, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзать, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться".

Какъ мужикъ убралъ камень. (Быль.)

На площади въ одномъ городѣ лежалъ огромный камень. Камень занималъ много мѣста и мѣшалъ ѣздѣ по городу. Призвали инженеровъ и спросили ихъ, какъ убрать этотъ камень и сколько это будетъ стоить?

Одинъ инженеръ сказалъ, что камень надо разбивать на куски порохомъ и потомъ по частямъ свезти его, и что это будетъ стоить 8000 руб.; другой сказалъ, что подъ камень надо подвезти большой вагонъ и на каткѣ свезти камень и что это будетъ стоить 6000 рублей".

А одинъ мужикъ сказалъ: „а я уберу камень и возьму за это 100 рублей".

У него спросили, какъ онъ это сдѣлаетъ. И онъ сказалъ: „я выкопаю подлѣ самаго камня большую яму; землю изъ ямы развалю по площади, свалю камень въ яму и заровняю землею".

Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и ему дали 100 руб. и еще 100 р. за умную выдумку.

Собака и ея тѣнь. (Басня.)

Собака шла по дощечкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несетъ,—она бросила свое мясо и кинулась отнимать у той собаки, того мяса вовсе не было, а свое волною унесло.

И осталась собака ни при чемъ.

Шатъ и Донъ. (Сказка.)

У старика Ивана было два сына: Шатъ Иванычъ и Донъ Иванычъ. Шатъ Иванычъ былъ старшій братъ; онъ былъ силь-

нѣе и больше, а Донъ Иванычъ былъ меньшій и былъ меньше и слабѣе. Отецъ показалъ каждому дорогу и велѣлъ им слушаться. Шатъ Иванычъ не послушался отца и не пошел по показанной дорогѣ, сбился съ пути и пропалъ. А Дон Иванычъ слушался отца и шелъ туда, куда отецъ приказывал За то онъ прошелъ всю Россію и сталъ славенъ.

Въ Тульской губерніи, въ Епифанскомъ уѣздѣ есть деревн „Иванъ-озеро“ и въ самой деревнѣ есть озеро. Изъ озера вытекаютъ въ разныя стороны два ручья. Одинъ ручей так узокъ, что черезъ него перешагнуть можно. Этотъ ручей называютъ Донъ. Другой ручеекъ широкій, и его называютъ Шатъ.

Донъ идетъ все прямо и чѣмъ дальше онъ идетъ, тѣмъ шир становится.

Шатъ вертится съ одной стороны на другую. Донъ прошел черезъ всю Россію и впалъ въ Черное море. Въ немъ много рыбы, и по немъ ходятъ барки и пароходы.

Шатъ зашатался, не вышелъ изъ Тульской губерніи и впал въ рѣку Упу.

Журавль и Аистъ. (Басня.)

Мужикъ разставилъ на журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались журавли, а съ журавлями одинъ аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

„Ты меня отпусти: я не журавль, а аистъ; мы самыя почетныя птицы; я у твоего отца на домѣ живу. И по перу видно, что я не журавль“.

Мужикъ говоритъ:

„Съ журавлями поймалъ, съ ними и зарѣжу“.

Судома. (Сказка.)

Въ Псковской губерніи, въ Порховскомъ уѣздѣ, есть рѣчка Судома, и на берегахъ этой рѣчки есть двѣ горы, другъ противъ дружки.

На одной горѣ былъ прежде городокъ Вышгородъ, на другой горѣ въ прежнія времена судились Славяне. Старики разсказываютъ. что на этой горѣ встарину съ неба висѣла цѣпь, и что кто былъ правъ, тотъ до цѣпи доставалъ рукой, а кто былъ виноватъ, тотъ не могъ достать. Одинъ человѣкъ занялъ у другаго деньги и отперся. Привели ихъ обоихъ на гору Судому и велѣли доставать до цѣпи. Тотъ, что давалъ деньги, поднялъ руку и сразу досталъ. Пришёлъ чередъ виноватому доставать. Онъ не отпирался, а только отдалъ свой костыль подержать тому, съ кѣмъ судился, чтобы ловчѣе было руками достать до цѣпи; протянулъ руки и досталъ. Тогда народъ удивился: какъ оба правы? А у виноватаго костыль былъ пустой, и въ костылѣ были запрятаны тѣ самыя деньги, въ какихъ онъ отпирался. Когда онъ отдалъ въ руки костыль съ деньгами подержать тому, кому онъ долженъ былъ, онъ съ костылемъ отдалъ и деньги, и потому досталъ цѣпь.

Такъ онъ обманулъ всѣхъ. Но съ тѣхъ поръ цѣпь поднялась на небо и больше не спускалась. Такъ разсказываютъ старики.

Садовникъ и сыновья. (Басня).

Хотѣлъ садовникъ сыновей пріучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

„Вотъ дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, что тамъ спрятано".

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ виноградникѣ такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше. И они стали богаты.

Сова и заяцъ. (Басня).

Смеркалось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочилъ на полянку большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ; а молодая сова говоритъ: „что-жъ ты зайца не ловишь?" Старая говоритъ: „не по силамъ, — великъ русакъ: ты въ него вцѣ-

пишься, а онъ тебя уволочетъ въ чащу". А молодая сова говоритъ: „а я одной лапой вцѣплюсь, а другой поскорѣе за дерево придержусь".

И пустилась молодая сова за зайцомъ, вцѣпилась ему лапой въ спину такъ, что всѣ когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она уцѣпилась другой лапой за дерево и думала: „не уйдетъ". Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него въ спинѣ были заросшіе совиные когти.

Волкъ и журавль. (Басня).

Подавился волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ журавля и сказалъ:

„Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу".

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ:

„Давай же награду".

Волкъ заскрипѣлъ зубами, да и говоритъ:

„Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?"

Орелъ. (Быль).

Орелъ свилъ себѣ гнѣздо на большой дорогѣ, вдали отъ моря, и вывелъ дѣтей.

Одинъ разъ подлѣ дерева работалъ народъ, а орелъ подлеталъ къ гнѣзду съ большой рыбой въ когтяхъ. Люди увидали рыбу; окружили дерево, стали кричать и бросать въ орла каменьями.

Орелъ выронилъ рыбу, а люди подняли ее и ушли.

Орелъ сѣлъ на край гнѣзда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орелъ усталъ и не могъ летѣть опять на море; онъ спустился въ гнѣздо, прикрылъ орлятъ крыльями, ласкалъ ихъ, оправлялъ имъ перушки и какъ будто просилъ ихъ, чтобы они подождали немного. Но чѣмъ больше онъ ихъ ласкалъ, тѣмъ громче они пищали.

Тогда орелъ отлетѣлъ отъ нихъ и сѣлъ на верхній сукъ дерева...

Орлята засвистали и запищали еще жалобнѣе.

Тогда орелъ вдругъ самъ громко закричалъ, расправилъ крылья и тяжело полетѣлъ къ морю. Онъ вернулся только поздно вечеромъ; онъ летѣлъ тихо и низко надъ землею, въ когтягъ у него опять была большая рыба.

Когда онъ подлеталъ къ дереву, онъ оглянулся,—нѣтъ ли опять вблизи людей, быстро сложилъ крылья и сѣлъ на край гнѣзда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орелъ разорвалъ рыбу и накормилъ ихъ.

Утка и мѣсяцъ. (Басня).

Утка плавала по рѣкѣ, и отыскивала рыбу и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяцъ въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобъ поймать мѣсяцъ. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ утка такъ застыдилась и заробѣла, что, когда и видала рыбу подъ водой, она ужъ не ловила ее и умерла съ голоду.

Медвѣдь на повозкѣ. (Быль).

Повадырь съ медвѣдемъ подошелъ къ кабаку; привязалъ медвѣдя къ воротамъ, а самъ вошелъ въ кабакъ выпить. Ямщикъ на тройкѣ подъѣхалъ къ кабаку, закрутилъ коренную и тоже пошелъ въ кабакъ. А въ телѣгѣ у ямщика были калачи. Медвѣдь учуялъ въ повозкѣ калачи, отвязался, подошелъ къ повозкѣ, влѣзъ и сталъ шарить въ сѣнѣ. Лошади оглянулись и шаркнули отъ кабака по дорогѣ. Медвѣдь ухватился лапами за грядки и не знаетъ, какъ ему быть. А лошади что дальше, то пуще разгораются. Медвѣдь держится передними лапами за грядки и только голову поварачиваетъ то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся-оглянутся — еще шибче катятъ по дорогѣ, подъ гору, на гору.... Проѣзжіе не успѣваютъ постораниваться. Катитъ тройка вся въ мылѣ, на

телѣгѣ сидитъ медвѣдь, держится за грядки да по сторонамъ оглядывается. Видитъ медвѣдь, что дѣло плохо—убьютъ его лошади, началъ онъ ревѣть. Еще пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой въ деревню. Всѣ смотрятъ, что такое скачетъ. Уткнулись лошади въ свой дворъ, въ ворота. Хозяйка глядитъ, что такое? Не путемъ прискакалъ хозяинъ—видно пьянъ. Выходитъ на дворъ, а съ телѣги не хозяинъ—медвѣдь лѣзетъ. Соскочилъ медвѣдь, да въ поле, да въ лѣсъ.

Волкъ въ пыли. (Басня).

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашелъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло пыль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

„Напрасно ты, волкъ, въ пыли ходишь, глаза заболятъ". А волкъ говоритъ: „то-то и горе, собаченька, что у меня ужъ давно глаза болятъ, а говорятъ,—отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ".

Лозина. (Быль).

На Святой пошелъ мужикъ посмотрѣть—оттаяла ли земля? Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ощупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошелъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: „дай обсажу огородъ лозиной; выростетъ — защита будетъ!" Взялъ топоръ, нарубилъ десятокъ лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги вверху съ листьями и внизу подъ землею выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями—замерзли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины и двѣ только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчелы гудмя гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и

мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ—тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она всё росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина всё росла. Обрубятъ ее кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребёнка.

И старшій сынъ пересталъ хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили её—она всё росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить её на колоду, да бросилъ: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а всё росла, и всё каждый годъ прилетали пчёлы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно, они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ влѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они всё въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошелъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; всё нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ черный воронъ, сѣлъ на неё и закричалъ: что, издохла старая кочерга, давно пора было.

Мышь подъ амбаромъ. (Басня).

Жила одна мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотѣла похвастаться своимъ житьёмъ. Прогрызла больше дыру и позвала другихъ мышей къ себѣ въ гости. „Идите“, говоритъ, „ко мнѣ. Я васъ угощу. Корму на всѣхъ достанетъ“. Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую дыру въ полу и задѣлалъ её.

Какъ волки учатъ своихъ дѣтей. (Разсказъ).

Я шёлъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ—по полю бѣгутъ два волка; одинъ матерой, другой молодой. Молодой нёсъ на спинѣ зарѣзаннаго ягнёнка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягнёнка, перекинулъ себѣ на спину и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягнёнка, зарѣзалъ его и понесъ.

На встрѣчу выскочилъ волчёнокъ и бросился къ ягнёнку. Старый отдалъ нести ягнёнка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягнёнка.

Зайцы и лягушки. (Басня).

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: „И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужъ лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться.—Давайте, утопимся!“

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говоритъ:

„Стойте, ребята! Подождёмъ топиться; вотъ лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: онѣ и насъ боятся“.

Какъ тетушка разсказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной воробей—Живчикъ. (Разсказъ).

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробей свилъ гнѣздо и положилъ пять яичекъ. Мы съ сестрами смотрѣли, какъ воробей по соломенкѣ и по пёрушку носилъ за ставню и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яйца, мы очень обрадовались. Воробей не сталъ больше прилетать съ пёрушками и соломой, а сѣлъ на яйца. Другой воробей—намъ сказали, что одинъ мужъ, а другой жена—приносилъ женѣ червей и кормилъ ее.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали изъ-за ставня пискъ и посмотрѣли, что сдѣлалось въ воробьиномъ гнѣздѣ: въ немъ было пять крошечныхъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были желтые и мягкіе, и головы большія.

Они показались намъ очень некрасивы, и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, что они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, и когда возвращалась, воробушки съ пискомъ открывали свои желтые клювики, и мать одѣляла ихъ кусочками червяковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись пухомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять стали часто на нихъ смотрѣть. Мы пришли утромъ къ ставню посмотрѣть нашихъ воробьевъ и увидали, что старый воробей лежитъ мертвый подлѣ ставня. Мы догадались, что воробей сѣлъ на ночь на ставень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали ставень.

Мы подняли стараго воробья и бросили въ траву. Маленькіе пищали, высовывали свои головки и открывали клювики, но ихъ некому было кормить.

Старшая сестра сказала: „вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить; давайте выкормимъ ихъ!“

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили въ него гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ на верхъ. Потомъ мы нарыли червяковъ, намочили

хлѣбъ въ молокѣ и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики объ стѣнки коробка и всѣ были очень веселы.

Такъ мы ихъ кормили весь день, и очень на нихъ радовались. На другое утро, когда мы посмотрѣли на коробокъ, мы увидали, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мертвый, а лапки его запутались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не запутался, и положили въ коробокъ травы и моху. Но къ вечеру еще два воробья растопырили свои пёрушки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвертый воробушекъ и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣдній — пятый воробушекъ, былъ веселый, здоровый и живой; мы называли его Живчикомъ.

Этотъ Живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричитъ: Живчикъ, Живчикъ! онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ городѣ на верху, улеталъ иногда въ окно, но всегда прилеталъ ночевать на свое мѣсто въ коробокъ.

Разъ онъ утромъ никуда не полетѣлъ изъ своего коробка; перья у него стали мокрыя и онъ ихъ растопырилъ, какъ и другіе воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила отъ Живчика, ходила за нимъ; но онъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

Три дня онъ былъ боленъ и на четвертый умеръ. Когда мы увидѣли его мертвымъ, на спинкѣ, съ подкорюченными лапками, мы всѣ три сестры стали такъ плакать, что мать прибѣжала на верхъ узнать, что случилось. Когда она вошла, она увидала на столѣ мертваго воробья и поняла наше горе. Сестра нѣсколько дней не ѣла, не играла, а всё плакала.

Живчика мы завернули въ наши самые лучшіе лоскутки, положили въ деревянный ящичекъ и зарыли въ саду, въ ямкѣ. Потомъ сдѣлали надъ его могилкой бугорокъ и положили камушекъ.

Три калача и одна баранка. (Басня).

Одному мужику захотѣлось ѣсть. Онъ купилъ калачъ и съѣлъ; ему всё еще хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ другой калачъ и съѣлъ; ему всё еще хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ третій калачъ и съѣлъ, и ему всё еще хотѣлось ѣсть. Потомъ онъ купилъ баранокъ и, когда съѣлъ одну, сталъ сытъ. Тогда мужикъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ:

„Экой я дуракъ! чтожъ я напрасно съѣлъ столько калачей!— Мнѣ бы надо сначала съѣсть одну баранку".

1000 золотыхъ. (Быль).

Богатый человѣкъ захотѣлъ отдать 1000 золотыхъ бѣднымъ, но не зналъ, какимъ бѣднымъ дать эти деньги.

Онъ пришелъ къ священнику и говоритъ: „я хочу дать 1000 золотыхъ бѣднымъ, да не знаю,—кому дать. Возьмите деньги и раздайте кому знаете".

Священникъ сказалъ: „деньги большія, я тоже не знаю, кому дать: можетъ быть я одному дамъ много, а другому мало. Скажите, какимъ бѣднымъ и по скольку дать вашихъ денегъ?"

Богатый сказалъ: „если вы не знаете, кому дать деньги, то Богъ знаетъ: кто первый придетъ къ вамъ, тому и отдайте деньги".

Въ томъ-же приходѣ жилъ бѣдный человѣкъ. У него было много дѣтей, а самъ былъ боленъ и не могъ работать. Бѣдный человѣкъ читалъ разъ псалтырь и прочелъ эти слова: *„я былъ молодъ и состарился, и не видалъ праведнаго оставленнаго и дѣтей его просящихъ хлѣба"*.

Бѣдный подумалъ: я вотъ оставленъ Богомъ! а я дурнаго ничего не сдѣлалъ. Дай пойду къ священнику, спрошу его,

какъ такъ неправда сказана въ Писаніи.

Онъ пришелъ къ священнику.

Священникъ увидалъ его и сказалъ: „этотъ бѣдный первый пришелъ ко мнѣ“, и отдалъ ему всѣ 1000 золотыхъ богатаго человѣка.

Петръ 1-й и мужикъ. (Быль).

Наѣхалъ Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубитъ.

Царь говоритъ: „Божья помощь, мужикъ!“

Мужикъ и говоритъ: „и то мнѣ нужна Божья помощь“.

Царь спрашиваетъ: „а велика ли у тебя семья?“

—„У меня семьи два сына, да двѣ дочери“.

„Ну, не велико твое семейство. Куда-жъ ты деньги кладешь“.

—„А я деньги на три части кладу: во первыхъ долгъ плачу, въ другихъ—въ долгъ даю, въ третьихъ—въ воду мечу“.

Царь подумалъ и не знаетъ, что это значитъ, что старикъ и долгъ платитъ, и въ долгъ даетъ, и въ воду мечетъ.

А старикъ говоритъ: „долгъ плачу—отца-мать кормлю; въ долгъ даю—сыновей кормлю; а въ воду мечу—дочерей рощу“.

Царь и говоритъ: „умная твоя голова, старичекъ. Теперь выведи меня изъ лѣсу въ поле: я дороги не найду“.

Мужикъ говоритъ: „найдешь и самъ дорогу: иди прямо, потомъ сверни вправо, а потомъ влѣво, потомъ опять вправо“.

Царь и говоритъ: „я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня“.

—„Мнѣ, сударь, водить некогда: намъ въ крестьянствѣ день дорого стоитъ“.

„Ну, дорого стоитъ, такъ я заплачу“.

—„А заплатишь, пойдемъ“.

Сѣли на одноколку, поѣхали.

Сталъ дорогой Царь мужичка спрашивать: „далече-ли ты, мужичекъ, бывалъ?“

—„Кое-гдѣ бывалъ“.

„А видалъ ли Царя?“

—„Царя не видалъ, а надо бъ посмотрѣть“.

„Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле,—и увидишь Царя“.

—„ А какъ я его узнаю?“

„Всѣ безъ шапокъ будутъ; одинъ Царь въ шапкѣ.“

Вотъ пріѣхали они въ поле. Увидалъ народъ Царя — всѣ поснимали шапки. Мужикъ пялитъ глаза, а не видитъ Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: „а гдѣ же царь?“

Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: „видишь, только мы двое въ шапкахъ—кто-нибудь изъ насъ да Царь“.

Бѣшеная собака. (Быль).

Баринъ купилъ лягаваго щенка въ городѣ и въ рукавѣ шубы привёзъ его въ деревню. Барыня полюбила щенка и въ горницахъ выхаживала его. Щенокъ выросъ и его назвали Дружкомъ.

Онъ ходилъ на охоту съ бариномъ, караулилъ домъ и игралъ съ дѣтьми.

Одинъ разъ въ садъ забѣжала собака. Собака эта бѣжала прямо по дорожкѣ, хвостъ у ней былъ опущенъ, ротъ былъ открытъ и изо рта текли слюни. Дѣти были въ саду.

Баринъ увидалъ эту собаку и закричалъ:

— Дѣти бѣгите скорѣе домой,—бѣшеная собака!

Дѣти услыхали, что кричалъ отецъ, но не видали собаки и бѣжали ей прямо на встрѣчу. Бѣшеная собака хотѣла броситься на одного изъ дѣтей, но въ это время Дружокъ кинулся на собаку и сталъ съ ней грызться.

Дѣти убѣжали, но когда Дружокъ вернулся въ домъ, онъ визжалъ, и на шеѣ у него была кровь.

Черезъ десять дней Дружокъ сталъ скученъ, не пилъ, не ѣлъ и бросился грызть щенка. Дружка заперли въ пустую горницу.

Дѣти не понимали, зачѣмъ заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотрѣть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дружокъ чуть не сбилъ ихъ съ ногъ, выбѣжалъ на дворъ и лёгъ въ саду подъ кустомъ. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его,

но Дружокъ не послушался, не замахалъ хвостомъ и не взглянулъ на неё. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюна. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

—Иди скорѣй! кто-то выпустилъ Дружка, онъ совсѣмъ бѣшёный. Ради Бога сдѣлай съ нимъ что-нибудь.

Баринъ вынесъ ружьё и подошёлъ къ Дружку. Онъ прицѣлился въ него, но рука тряслась у него, когда онъ цѣлился. Онъ выстрѣлилъ и не попалъ въ голову, а въ задъ.

Собака завизжала и забилась.

Баринъ подошелъ ближе, что-бы разсмотрѣть, что съ нимъ. Весь задъ у Дружка былъ въ крови и обѣ заднія ноги перебиты. Дружокъ подползъ къ барину и сталъ лизать ему ногу. Баринъ затряся, заплакалъ и убѣжалъ въ домъ.

Тогда кликнули охотника, и охотникъ изъ другаго ружья досмерти убилъ собаку и унёсъ её.

Двѣ лошади. (Басня).

Двѣ лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя остановилась. На переднюю лошадь стали поклажу перекладывать съ задняго воза; когда всё переложили, задняя пошла на легкѣ и сказала передней:

„Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить.“

Когда пріѣхали на постоялый дворъ, хозяинъ и говоритъ: „Чѣмъ мнѣ двухъ лошадей кормить, а на одной возить; лучше одной дамъ вволю корму, а ту зарѣжу; хоть шкуру возьму.“

Такъ и сдѣлалъ.

Левъ и Собачка. (Быль).

Въ Лондонѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами, или собаками и кошками на кормъ дикимъ звѣрямъ.

Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собачёнку и принёсъ её въ звѣринецъ. Его впустили смотрѣть, а собачёнку взяли и бросили въ клѣтку ко льву на съѣденье.

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ.

Левъ тронулъ её лапой и перевернулъ.

Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки.

Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ её.

Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ лёгъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ, левъ не трогалъ её, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять ее изъ клѣтки, левъ ощетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ.

Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть, а всё нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ её лапой.

Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, ощетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ лёгъ подлѣ мёртвой собачки и затихъ. Хозяинъ хотѣлъ унести мёртвую собачку, но левъ ни кого не подпускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку: но левъ тотчасъ разорвалъ её на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мёртвую собачку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

Ровное наслѣдство. (Басня).

У одного купца было два сына. Старшій былъ любимецъ отца и отецъ всё свое наслѣдство хотѣлъ отдать ему. Мать жалѣла меньшаго сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьямъ, какъ ихъ раздѣлятъ: она хотѣла какъ нибудь сравнять двухъ сыновей. Купецъ её послушалъ и не объявлялъ своего рѣшенія.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и плакала: къ окну подошелъ странникъ и спросилъ, о чемъ она плачетъ?

Она сказала: „какъ мнѣ не плакать; оба сына мнѣ равны, а отецъ хочетъ одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего рѣшенія сыновьямъ, пока я не придумаю, какъ помочь меньшёму. Но денегъ у меня своихъ нѣтъ и я не знаю, какъ помочь горю“.

Странникъ сказалъ: „твоему горю легко помочь: поди, объяви сыновьямъ, что старшему достанется все богатство, а меньшёму ничего; и у нихъ будетъ поровну“.

Меньшой сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ, ушелъ въ чужія страны и выучился мастерствамъ и наукамъ, а старшій жилъ при отцѣ и ничему не учился, потому что зналъ, что будетъ богатъ.

Когда отецъ умеръ, старшій ничего не умѣлъ дѣлать, прожилъ всё своё имѣніе. а младшій выучился наживать на чужой сторонѣ и сталъ богатъ.

Три вора. (Быль).

Одинъ мужикъ вёлъ въ городъ продавать осла и козу. На козѣ былъ бубенчикъ,

Три вора увидали мужика, и одинъ сказалъ: „я украду козу, такъ что мужикъ и не замѣтитъ“.

„Другой воръ сказалъ „а я изъ рукъ у мужика украду осла“.

Третій сказалъ: „и это не трудно; а я такъ всё платье съ мужика украду“.

Первый воръ подкрался къ козѣ; снялъ съ нея бубенчикъ и привѣсилъ къ хвосту осла, а козу увёлъ въ поле.

Мужикъ на поворотѣ оглянулся, увидалъ, что козы нѣтъ, сталъ искать.

Тогда къ нему подошёлъ второй воръ и спросилъ, чего онъ ищетъ?

Мужикъ сказалъ, что у него украли козу. Второй воръ сказалъ: „я видѣлъ твою козу: вотъ сейчасъ только въ этотъ лѣсъ пробѣжалъ человѣкъ съ козою. Его можно поймать".

Мужикъ побѣжалъ догонять козу и попросилъ вора подержать осла. Второй воръ увёлъ осла.

Когда мужикъ вернулся изъ лѣсу и увидалъ, что и осла его нѣтъ, онъ заплакалъ и пошелъ по дорогѣ.

На дорогѣ, у пруда увидалъ онъ—сидитъ человѣкъ и плачетъ. Мужикъ спросилъ, что съ нимъ?

Человѣкъ сказалъ, что ему велѣли отнести въ городъ мѣшокъ съ золотомъ и что онъ сѣлъ отдохнуть у пруда, заснулъ и во снѣ столкнулъ мѣшокъ въ воду.

Мужикъ спросилъ—отчего онъ не лѣзетъ доставать его?

Человѣкъ сказалъ: „я боюсь воды и не умѣю плавать; но я дамъ 20 золотыхъ тому, кто достанетъ мѣшокъ". Мужикъ обрадовался и подумалъ: мнѣ Богъ далъ счастье за то, что у меня украли козу и осла. Онъ раздѣлся, полѣзъ въ воду, но мѣшка съ золотомъ не нашелъ; а когда онъ вылѣзъ изъ воды, его платья уже не было.

Это былъ третій воръ: онъ укралъ и платье.

Отецъ и сыновья. (Басня).

Отецъ приказывалъ сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принесть вѣникъ и говоритъ:

„Сломайте!"

Сколько они не бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья по одиночкѣ.

Отецъ и говоритъ:

„Такъ-то и вы, если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться да всё врозь, — васъ всякій легко погубитъ“.

Отчего бываетъ вѣтеръ. (Разсужденье).

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ—намъ дуетъ въ лицо; а иногда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда-же отворимъ дверь въ теплую горницу, то всегда дуетъ вѣтеръ *низомъ* со двора въ горницу, а *верхомъ* дуетъ изъ горницы на дворъ.

Когда кто нибудь ходитъ по комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: „онъ вѣтеръ дѣлаетъ“, а когда топятъ печку, всегда въ нее дуетъ вѣтеръ. Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ-нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ,—тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идётъ холодный духъ, а верхомъ тёплый, такъ же какъ съ надворья въ избу. И до тѣхъ поръ дуетъ, пока не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

Для чего вѣтеръ?

Свяжутъ крестъ изъ двухъ лучинъ и кругомъ креста обвяжутъ ещё четыре лучины. На всё наклеятъ бумаги. Къ одному концу привяжутъ мочальный хвостъ, а къ другому привяжутъ длинную бичёвку, и выйдетъ змѣй. Потомъ возьмутъ змѣй, разбѣгутся на вѣтеръ и пустятъ. Вѣтеръ подхватитъ змѣй, занесетъ его высоко въ небо. И змѣй подрагиваетъ и гудитъ,

и рвётся, и поворачивается, и развѣвается мочальнымъ хвостомъ.

Если-бы не было вѣтра, нельзя бы было пускать змѣя.

Сдѣлаютъ изъ тёса четыре крыла, утвердятъ ихъ крестомъ въ валъ и придѣлаютъ къ валу шестерни и колеса съ кулачьями, такъ чтобы, когда валъ вертится, онъ бы цѣплялъ за шестерни и колеса, а колеса бы вертѣли жёрновъ. Потомъ крылья поставятъ противъ вѣтра: крылья начнутъ вертѣться, станутъ шестерни и колеса цѣплять другъ за друга, и жёрновъ станетъ вертѣться на другомъ жёрновѣ. И тогда сыплютъ зерно промежду двухъ жерновов, зерно растирается, и высыпается въ ковшъ мука.

Если бы вѣтра не было, нельзя бы было молоть зерно на вѣтряныхъ мельницахъ.

Когда плывутъ на лодкѣ и хотятъ плыть скорѣе, то возьмутъ на серединѣ лодки вставятъ въ дыру большой шестъ мачты; къ шесту этому придѣлана верёвка и поперёкъ перекладина. Къ этой перекладинѣ привяжутъ холстинный парусъ, къ низу паруса привяжутъ верёвку и держатъ её въ рукахъ. Потомъ поставятъ парусъ противъ вѣтра. И тогда вѣтеръ надуетъ парусъ такъ крѣпко, что лодка нагибается на бокъ, верёвка рвётся изъ рукъ; и лодка поплывётъ по вѣтру такъ скоро. что подъ носомъ лодки забурчитъ вода, и берега точно бѣгутъ назадъ мимо лодки.

Если бы не было вѣтра, нельзя бы было плавать съ парусомъ.

Тамъ, гдѣ люди живутъ, бываетъ дурной духъ; еслибы не было вѣтра, духъ этотъ такъ и оставался бы. А придётъ вѣтеръ, разгонитъ дурной духъ и принесётъ изъ лѣсовъ и съ полей хорошій, чистый воздухъ. Если бы не было вѣтра, люди бы надышали и испортили воздухъ. Воздухъ всё бы стоялъ на мѣстѣ и людямъ надо бы уходить изъ того мѣста, гдѣ они надышали.

Когда дикіе звѣри ходятъ по лѣсамъ и полямъ, то они всегда ходятъ на вѣтеръ, и слышатъ ушами, и чуютъ носомъ то, что впереди ихъ. Если бы не было вѣтра, они бы не знали, куда имъ идти.

Почти всё травы, кусты и деревья такіе. Что для того, чтобы на травѣ, кустѣ или деревѣ завязалось сѣмя, нужно, чтобъ

съ одного цвѣтка пыль перелетала на другой цвѣтокъ. Цвѣтки бываютъ далеко другъ отъ друга, и имъ нельзя пересылать свою пыль съ однаго на другой.

Когда огурцы ростутъ въ парникахъ, гдѣ вѣтра нѣтъ, тогда люди сами срываютъ одинъ цвѣтокъ и накладываютъ на другой, чтобы цвѣтовая пыль попала на плодовой цвѣтокъ, и была бы *завязь*. Пчёлы и другія насѣкомыя иногда переносятъ на лапкахъ пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ; но больше всего пыль эту переноситъ вѣтеръ. Если бы не было вѣтра, половина растеній была бы безъ сѣмени.

Въ тёплое время надъ водой поднимается паръ. Паръ этотъ поднимается выше, и когда остынетъ на верху, то падаетъ внизъ каплями дождя.

Надъ землей поднимается паръ только тамъ, гдѣ есть вода,— надъ ручьями, надъ болотами, надъ прудами и рѣками, больше всего надъ моремъ. Если бы вѣтра не было, пары не ходили бы, а собирались бы въ тучи надъ водой и падали бы опять тамъ, гдѣ поднялись. Надъ ручьёмъ, надъ болотомъ, надъ рѣкой, надъ моремъ былъ бы дождь, а на землѣ, на поляхъ и лѣсахъ дождя бы не было. Вѣтеръ разноситъ тучи и поливаетъ землю. Если бы вѣтра не было, то гдѣ вода, тамъ бы было больше воды, а земля вся бы пересохла.

Самыя лучшія груши. (Басня.)

Одинъ баринъ послалъ слугу за грушами, и сказалъ ему: купи мнѣ самыхъ хорошихъ. Слуга пришелъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему; но слуга сказалъ:

„Нѣтъ, дай мнѣ самыхъ лучшихъ".

Купецъ сказалъ:

„Отвѣдай одну; ты увидишь, что всѣ хороши".

„Какъ я узнаю", сказалъ слуга, „что онѣ всѣ хорожи, если отвѣдаю только одну?"

Онъ откусилъ по немногу отъ каждой груши и принесъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

Волга и Вазуза. (Сказка).

Были двѣ сестры: Волга и Вазуза. Онѣ стали спорить, кто изъ нихъ умнѣе и кто лучше проживётъ.

Волга сказала: „зачѣмъ намъ спорить,—мы обѣ на возрастѣ. Давай выйдемъ завтра по утру изъ дому и пойдемъ каждая своей дорогой; тогда увидимъ, кто изъ двухъ лучше пройдетъ и скорѣе придетъ въ Хвалынское царство.

Вазуза согласилась, но обманула Волгу. Только что Волга заснула, Вазуза ночью побѣжала прямой дорогой въ Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидала, что сестра ея ушла, она ни тихо ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась чтобъ Волга не наказала ее; назвалась меньшой сестрой и попросила Волгу довести ее до Хвалынскаго царства. Волга простила сестру и взяла съ собой.

Рѣка Волга начинается въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ болотъ въ деревнѣ Волго. Тамъ есть небольшой колодезь, изъ него течётъ Волга. А рѣка Вазуза начинается въ горахъ. Вазуза течётъ прямо, а Волга поворачиваетъ.

Вазуза весной раньше ломаетъ ледъ и проходитъ, а Волга позднѣе. Но когда обѣ рѣки сходятся, въ Волгѣ уже 30 саженей ширины, а Вазуза еще узкая и маленькая рѣчка. Волга проходитъ черезъ всю Россію на три тысячи сто шестьдесятъ верстъ и впадаетъ въ Хвалынское (Каспійское) море. И ширины въ ней въ полую воду бываетъ до двѣнадцати верстъ.

Теленокъ на льду. (Басня).

Теленокъ скакалъ по закутѣ и выучился дѣлать круги и повороты. Когда пришла зима, теленка выпустили съ другою скотиною на ледъ къ водопою. Всѣ коровы осторожно подошли къ корыту, а теленокъ разбѣжался на ледъ, загнулъ хвостъ, приложилъ уши и сталъ кружиться. На первомъ же кругу нога его раскатилась, и онъ ударился головою о корыто.

Онъ заревѣлъ:

„Несчастный я! По колѣно въ соломѣ скакалъ—не падалъ, а тутъ на гладкомъ поскользнулся“.

Старая корова сказала:

„Кабы ты былъ не теленокъ, ты бы зналъ, что гдѣ легче скакать, тамъ труднѣе держаться“.

Золотоволосая царевна. (Сказка).

Въ Индіи была одна царевна съ золотыми волосами: у нея была злая мачиха. Мачиха возненавидѣла золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать ее въ пустыню. Золотоволосую свели далеко въ пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхомъ на львѣ назадъ къ своему отцу.

Тогда мачиха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу въ дикія горы, гдѣ жили только коршуны. Коршуны на четвертый день принесли ее назадъ.

Тогда мачиха сослала царевну на островъ среди моря. Рыбаки увидали золотоволосую царевну и на шестой день привезли ее назадъ къ царю.

Тогда мачиха велѣла на дворѣ вырыть глубокій колодезь, опустила туда золотоволосую царевну и засыпала землей.

Черезъ шесть дней изъ того мѣста, куда зарыли царевну, засвѣтился свѣтъ, и когда царь велѣлъ раскопать землю, тамъ нашли золотоволосую царевну.

Тогда мачиха велѣла выдолбить колоду тутоваго [1]) дерева, задѣлала туда царевну и пустила ее по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну въ японскую землю и тамъ ее Японцы вынули изъ колоды. Она была жива.

Но какъ только она вышла на берегъ, она умерла, и изъ нея сдѣлался шелковичный червь.

---

[1]) На тутовомъ деревѣ растутъ ягоды—похожи на малину, а листъ похожъ на березовый; этимъ листомъ кормятъ шелковичныхъ червей.

Шелковичный червь вползъ на тутовое дерево и сталъ ѣсть тутовый листъ. Когда онъ повыросъ, онъ вдругъ сдѣлался мёртвымъ: не ѣлъ и не шевелился.

На пятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевну принёсъ левъ изъ пустыни,—червь ожилъ и опять сталъ ѣсть листъ.

Когда червь опять повыросъ, онъ опять умеръ и на четвёртый день, въ тотъ самый срокъ, какъ коршуны принесли царевну, червь ожилъ и опять сталъ ѣсть.

И опять умеръ, и въ тотъ самый срокъ, какъ царевна вернулась на лодкѣ опять ожилъ.

И опять умеръ въ четвёртый разъ и ожилъ на шестой день, когда царевну выкопали изъ колодца.

И опять въ послѣдній разъ умеръ, и на девятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевна приплыла въ Японію, ожилъ въ золотой шёлковой куколкѣ. Изъ куколки вылетѣла бабочка и положила яички, а изъ яичекъ вывелись черви и повелись въ Японіи. Черви пять разъ засыпаютъ и пять разъ оживаютъ.

Японцы разводятъ много червей, дѣлаютъ много шёлка: и первый сонъ червя называется *сномъ льва*, второй—*сномъ коршуна*, третій—*сномъ лодки*, четвёртый—*сномъ двора*, и пятый—*сномъ колоды*.

Соколъ и пѣтухъ. (Басня).

Соколъ привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколъ и говоритъ пѣтуху:

„Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте къ хозяевамъ. То-ли дѣло мы, дикая птица; въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ; а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами ещё ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ что они кормятъ насъ“.

Пѣтухъ и говоритъ:

„Вы не бѣгаете отъ людей оттого что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то-и-дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ“.

Тепло. (Разсужденіе).

I

Отчего на чугункѣ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если-бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

Отъ жару всё раздается, отъ холода всё сжимается.

Если винтъ не входитъ въ гайку, то погрѣть гайку и винтъ войдётъ. А если винтъ слабъ то нагрѣть винтъ и онъ будетъ тугъ.

Отчего стаканъ лопается, если нальёшь въ него кипятокъ?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипятокъ, разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто гдѣ нѣтъ кипятка, остается по прежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

Тепло.

II

Отчего, когда въ оттепель идётъ снѣгъ, онъ таетъ на рукѣ, а на шубѣ остаётся?

Оттого, что тепло лица и руки переходитъ въ снѣгъ и распускаетъ его; отъ этого, то мѣсто лица, гдѣ растаялъ снѣгъ, дѣлается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку съ холодной водой въ ладоняхъ, вода согрѣется, а ладони охолодѣютъ?

Оттого, что тепло изъ рукъ перейдетъ въ жесть, а потомъ въ воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она не скоро согрѣвается?

Оттого, что рукавицы не позволяютъ теплу изъ руки перейти въ воду, а жесть пропускаетъ тепло изъ рукъ въ воду. Желѣзо и жесть пропускаетъ тепло и холодъ, а шуба и дерево не пропускаютъ. Отъ этого желѣзо, жесть, мѣдь и всякій металлъ [1]) разогрѣваются на солнцѣ сильнѣе дерева, шерсти, бумаги, и скорѣе остываютъ. Отъ этого-то въ холода одѣваются въ мѣха, шерсть и во всё что не пропускаетъ тепла.

Для чего закрываютъ квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропуститъ тепла, и хлѣбы (квашни) не остынутъ, а зослонка пропуститъ тепло наружу и хлѣбы остынутъ.

Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до Петровокъ?

Отчего лёдъ лучше держится въ погребахъ подъ соломенной крышей?

Отчего, когда хотятъ высушить доски, то кладутъ ихъ подъ желѣзную, а не подъ соломенную крышу?

Для чего на покосѣ и жнитвѣ мужики, чтобы не согрѣлась вода,—обёртываютъ кувшины полотенцемъ?

Т е п л о.

III

Отчего, когда вѣтрено безъ мороза, то зябнешь, больше, чѣмъ въ морозъ безъ вѣтра?

Оттого, что тепло изъ тѣла переходитъ въ воздухъ, и если тихо, то воздухъ вокругъ тѣла нагрѣвается и стоитъ тёплый. Но когда дуетъ вѣтеръ, онъ относитъ нагрѣтый воздухъ и приноситъ холодный. Опять изъ тѣла выходитъ тепло и нагрѣваетъ воздухъ вокругъ него и опять вѣтеръ относитъ теплый воздухъ. Когда выйдетъ много тепла изъ тѣла, тогда и зябнешь.

Отчего, когда горячъ чай въ чашкѣ, на него дуютъ?

---

[1]) Металлы: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, ртуть и другіе.

Шакалы и Слонъ. (Басня).

Шакалы [1]) поѣли всю падаль въ лѣсу, и имъ нечего стало ѣсть. Одинъ старый шакалъ придумалъ, какъ имъ прокормиться. Онъ пошёлъ къ слону и говоритъ:

Былъ у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣлать такія дѣла, какихъ нельзя исполнить, хотимъ мы другаго царя выбрать,—и послалъ меня нашъ народъ просить тебя въ цари. У насъ житье хорошее: — что велишь, всё то будемъ дѣлать и почитать тебя во всёмъ будемъ. Пойдёмъ въ наше царство". Слонъ согласился и пошёлъ за шакаломъ. Шакалъ привёлъ его въ болото. Когда слонъ завязъ, шакалъ и говоритъ:

„Теперь приказывай; что велишь, то и будемъ дѣлать".

Слонъ сказалъ:

„Я приказываю вытащить меня отсюда".

Шакалъ разсмѣялся и говоритъ: „хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ,—сейчасъ вытащу".

Слонъ говоритъ:

„Развѣ можно меня хвостомъ вытащить? А шакалъ и говоритъ: „такъ зачѣмъ-же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы и перваго царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать",

Когда слонъ издохъ въ болотѣ, шакалы пришли и съѣли его.

Магнитъ. (Описаніе).

Въ старину былъ пастухъ, звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошёлъ въ горы искать. Пришёлъ на одно мѣсто, гдѣ одни голые камни. Онъ пошёлъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой—камни сухіе и къ рукамъ не липнутъ. Пошёлъ опять,—опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руку и сталъ трогать имъ камни.

[1]) Звѣри похожіе на маленькихъ волковъ.

Тронетъ кожей и подошвой—не прилипаетъ, а какъ тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Мигниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ тронулъ камень деревомъ—не прилипаетъ: тронулъ желѣзомъ—прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣлъ камень, видитъ, что похожъ на желѣзо, и принёсъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя магнитъ похожъ на желѣзо.

Если положишь кусокъ желѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить стальную иголку на магнитъ, и подержать по дольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другіе будутъ сцѣпляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой отворачиваться. И ещё разруби—тоже будетъ, а ещё руби сколько хочешь,—всё тоже будетъ: одинакіе концы будутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другаго втягиваетъ. И какъ его не разломи, всё съ одного конца онъ будетъ выпирать, а съ другаго втягивать. Всё равно какъ еловую шишку, гдѣ ни разломи, всё будетъ съ одного конца пупомъ, а съ другаго чашечкой. Съ того ли, съ другаго ли конца,—чашечка съ пупомъ сойдется, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить её серединкой на шпенёкъ, такъ чтобы она ходила вольно на шпенкѣ, то какъ хочешь верти магнитную иголку, какъ пустишь—она станетъ однимъ концомъ на полдни (югъ), другимъ на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали, куда плыть. А если пасмурно,

не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами, куда плыть. А корабль несётъ вѣтромъ и занесётъ на камни, и разобьётъ.

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенкѣ, чтобъ она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плывутъ. Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ, и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная веревка съ узлами на концѣ корабля. И верёвка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

Цапля, рыбы и ракъ. (Басня).

Жила цапля у пруда и состарѣлась; не стало уже въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говоритъ рыбамъ: „а вы рыбы, не знаете, что на васъ бѣда собирается: слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ за горой хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать“. Рыбы стали просить цаплю, чтобъ помогла.

Цапля и говоритъ:

„Пожалуй, постараюсь для васъ, перенесу васъ: только вдругъ не могу, а по одиночкѣ“.

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: „меня отнеси, меня отнеси!“

И принялась цапля носить ихъ: возьметъ, вынесетъ въ поле, да и съѣстъ. И переѣла она такъ много рыбъ.

Жилъ въ пруду старый ракъ. Какъ стала цапля выносить рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

„Ну, теперь, цапля и меня снеси на новоселье“.

Цапля взяла рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбросить рака. Но ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами цаплю за шею и удавилъ её, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ рыбамъ.

Какъ дядя разсказывалъ про то, какъ онъ ѣздилъ верхомъ. (Разсказъ).

У насъ былъ старый старикъ Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая: онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами. Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлёпалъ губами, и нельзя было понять, что онъ говоритъ.

Насъ было четыре брата и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ: ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: „ну, теперь проскачи!“

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ. И онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ подъ горы. Онъ еще хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да ещё и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота.

Когда пришелъ мой черёдъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу, — сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюш-

ни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а шелъ шагомъ и то всё заворачивалъ назадъ. Я злился на лошадь и изо всѣхъ силъ билъ её хлыстомъ и ногами. Я старался бить её въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ всё не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

„Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить?" Я обидился и сказалъ: „какъ же я совсѣмъ не ѣздилъ? Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу! Дай, пожалуйста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу".

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

—„Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ. Что его разжигать? Вѣдь ему 20-ть лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышетъ, да и стара. Вѣдь она такая старая? Все равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича, да такъ-то чрезъ силу погоняли бы его хлыстомъ. Что же, вамъ не жалко бы было?"

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади и, когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ-же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенья за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучаютъ лошадей.

Ежъ и заяцъ. (Басня).

Повстрѣчалъ заяцъ ежа и говоритъ:

„Всѣмъ бы ты хорошъ, ёжъ, только ноги у тебя кривыя, заплетаются".

Ежъ разсердился и говоритъ:

„Ты что-жъ смѣешься; мои кривыя ноги скорѣе твоихъ прямыхъ бѣгаютъ. Вотъ дай только схожу домой, а потомъ давай побѣжимъ на перегонку!"

Ежъ пошёлъ домой и говоритъ женѣ: „я съ зайцемъ поспорилъ: хотимъ бѣжать на перегонку!“

Ежова жена и говоритъ: „ты, видно, съ ума сошёлъ! гдѣ тебѣ съ зайцемъ бѣжать? У него ноги быстрыя,—а у тебя кривыя и тупыя“.

А ёжъ говоритъ: „у него ноги быстрыя, а у меня умъ быстрый. Ты только дѣлай, что я велю. Пойдемъ въ поле“.

Вотъ пришли они на вспаханное поле къ зайцу; ёжъ и говоритъ женѣ:

„Спрячься ты на этомъ концѣ борозды, а мы съ зайцомъ побѣжимъ съ другаго конца; какъ онъ разбѣжится, я вернусь назадъ; а какъ прибѣжитъ къ твоему концу, ты выходи и скажи: а я уже давно жду. Онъ тебя отъ меня не узнаетъ—подумаетъ, что это я“.

Ежова жена спряталась въ бороздѣ, а ёжъ съ зайцемъ побѣжали съ другаго конца.

Какъ заяцъ разбѣжался, ёжъ вернулся назадъ и спрятался въ борозду. Заяцъ прискакалъ на другой конецъ борозды: глядь!—а ежова жена уже тамъ сидитъ. Она увидала зайца и говоритъ: „а я уже давно жду“.

Заяцъ не узналъ ежову жену отъ ежа и думаетъ: „что за чудо! какъ это онъ меня обогналъ?“

„Ну“, говоритъ, „давай еще разъ побѣжимъ!“

„Давай!“

Заяцъ пустился назадъ, прибѣжалъ на другой конецъ, глядь!—а ёжъ уже тамъ, да и говоритъ: „э, братъ, ты только теперь, а я уже давно тутъ“.

„Что за чудо!“ думаетъ заяцъ, „ужъ какъ я шибко скакалъ, а всё онъ обогналъ меня. Ну, такъ побѣжимъ еще разъ, теперь уже не обгонишь“.

Побѣжимъ!“

Поскакалъ заяцъ, что было духу: глядь—ёжъ впереди сидитъ и дожидается.

И такъ заяцъ до тѣхъ поръ скакалъ изъ конца въ конецъ, что изъ силъ выбился.

Заяцъ покорился и сказалъ, что впередъ никогда не будетъ спорить.

Два Брата. (Сказка).

Два брата пошли вмѣстѣ путешествовать. Въ полдень они легли отдохнуть въ лѣсу. Когда они проснулись, то увидали— подлѣ нихъ лежитъ камень и на камнѣ что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

„*Кто найдетъ этотъ камень, тотъ пускай идетъ прямо въ лѣсъ на восходъ солнца. Въ лѣсу придетъ рѣка; пускай плыветъ черезъ рѣку на другую сторону. Увидишь медвѣдицу съ медвѣжатами; отними медвѣжатъ у медвѣдицы и бѣги безъ оглядки прямо въ гору. На горѣ увидишь домъ и въ домѣ томъ найдешь счастіе*“.

Братья прочли, что было писано, и меньшой сказалъ: „давай, пойдёмъ вмѣстѣ. Можетъ быть мы переплывемъ эту рѣку, донесёмъ медвѣжатъ до дому и вмѣстѣ найдемъ счастіе“.

Тогда старшій сказалъ: „я не пойду въ лѣсъ за медвѣжатами и тебѣ не совѣтую. Первое дѣло: никто не знаетъ—правда-ли написана на этомъ камнѣ; можетъ быть всё это написано на смѣхъ. Да можетъ быть мы и не такъ разобрали. Второе:— если и правда написано,—пойдёмъ мы въ лѣсъ, придётъ ночь, мы не попадёмъ на рѣку и заблудимся. Да если и найдёмъ рѣку, какъ мы переплывёмъ её? Можетъ быть она быстра и широка? Третье:—если и переплывёмъ рѣку, развѣ лёгкое дѣло отнять у медвѣдицы медвѣжатъ: она насъ задерётъ, и мы, вмѣсто счастія, пропадёмъ ни за что. Четвертое дѣло:—если намъ и удастся унести медвѣжатъ, мы не добѣжимъ безъ отдыха въ гору. Главное-же дѣло—не сказано: *какое счастіе мы найдемъ въ этомъ домѣ? Можетъ быть насъ тамъ ждетъ такое счастіе, какого намъ вовсе не нужно*“.

А меньшой сказалъ: „по моему не такъ. Напрасно этого писать на камнѣ не стали-бы. И всё написано ясно. Первое дѣло:—намъ бѣды не будетъ, если и попытаемся. Второе дѣло:—если мы не пойдёмъ, кто нибудь другой прочтётъ надпись на камнѣ и найдётъ счастье, а мы останемся ни при чёмъ. Третье дѣло:—не потрудиться, да не поработать, ничто въ свѣтѣ не радуетъ. Четвёртое:—не хочу я, чтобъ подумали, что я чего-нибудь да побоялся“.

Тогда старшій сказалъ: „и пословица говоритъ: *искать большаго счастія—малое потерять;* да еще: *не сули журавля въ небѣ; а дай синицу въ руки*“.

А меньшой сказалъ: „а я слыхалъ—*волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить;* да еще: *подъ лежачій камень вода не потечетъ.* По мнѣ надо идти“.

Меньшой братъ пошёлъ, а старшій остался.

Какъ только меньшой братъ вошёлъ въ лѣсъ, онъ напалъ на рѣку, переплылъ её и тутъ-же на берегу увидалъ медвѣдицу. Она спала. Онъ ухватилъ медвѣжатъ и побѣжалъ безъ оглядки на гору. Только что добѣжалъ до верху,—выходитъ ему на встрѣчу народъ: подвезли ему карету, повезли въ городъ и сдѣлали царёмъ.

Онъ царствовалъ пять лѣтъ. На 6-й годъ пришёлъ на него войной другой царь, сильнѣе его: завоевалъ городъ и прогналъ его. Тогда меньшой братъ пошёлъ опять странствовать и пришелъ къ старшему брату.

Старшій братъ жилъ въ деревнѣ ни богато, ни бѣдно. Братья обрадовались другъ другу и стали разсказывать про свою жизнь.

Старшій братъ и говоритъ: „вотъ и вышла моя правда: я все время жилъ тихо и хорошо, а ты хоть и былъ царёмъ, за то много горя видѣлъ“.

А меньшой сказалъ: „я не тужу, что пошелъ тогда въ лѣсъ на гору; хоть мнѣ и плохо теперь, за то есть чѣмъ помянуть мою жизнь, а тебѣ и помянуть-то нечѣмъ“.

Водяной и жемчужина (Басня).

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ въ море. Человѣкъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ устали.

На четвёртый день вышелъ изъ моря водяной и спросилъ:

„Зачѣмъ ты черпаешь?“

Человѣкъ говоритъ:

„Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ“.

Водяной спросилъ:

„А скоро-ли ты перестанешь?"

Человѣкъ говоритъ:

„Когда высушу море, тогда перестану".

Тогда водяной вернулся въ морѣ, принёсъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ человѣку.

Ужъ (Сказка).

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла съ подругами купаться. Дѣвочки сняли рубашки, положили на берегъ и попрыгали въ воду.

Изъ воды выползъ большой ужъ и свернувшись лёгъ на Машину рубашку. Дѣвочки вылѣзли изъ воды, надѣли свои рубашки и побѣжали домой. Когда Маша подошла къ своей рубашкѣ и увидала, что на ней лежитъ ужакъ, она взяла палку и хотѣла согнать его, но ужъ поднялъ голову и засипѣлъ человѣчьимъ голосомъ.

„Маша, Маша, обѣщай за меня замужъ",

Маша заплакала и сказала: только отдай мнѣ рубашку, я всё сдѣлаю".

„Пойдёшь ли замужъ?"

Маша сказала: „пойду". И ужъ сползъ съ рубашки и ушёлъ въ воду.

Маша надѣла рубашку и побѣжала домой. Дома она сказала матери: „матушка, ужакъ лёгъ на мою рубашку и сказалъ: иди за меня замужъ, а то не отдамъ рубашки. Я ему обѣщала".

Мать посмѣялась и сказала: „это тебѣ приснилось".

Черезъ недѣлю цѣлое стадо ужей приползло къ Машиному дому.

Маша увидала ужей, испугалась и сказала: „матушка, за мной ужи приползли".

Мать не повѣрила, но какъ увидала, сама испугалась и заперла сѣни и дверь въ избу. Ужи проползли подъ ворота и вползли въ сѣни, но не могли пройти въ избу. Тогда они выползли назадъ, всѣ вмѣстѣ свернулись клубкомъ и бросились

въ окно. Они разбили стекло, упали на полъ въ избу и поползли по лавкамъ, столамъ и на печку. Маша забилась въ уголъ на печи, но ужи нашли её, стащили оттуда и повели къ водѣ.

Мать плакала и бѣжала за ними, но не догнала. Ужи вмѣстѣ съ Машей бросились въ воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Вдругъ она увидала, что къ ней идётъ ея Маша и ведётъ за руку маленькаго мальчика, а на рукахъ несётъ дѣвочку.

Мать обрадовалась и стала цѣловать Машу и спрашивать её, гдѣ она была и чьи эти дѣти! Маша сказала, что это ея дѣти, что ужъ взялъ её замужъ, и что она живётъ съ нимъ въ водяномъ царствѣ.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить въ водяномъ царствѣ, и дочь сказала, что лучше, чѣмъ на землѣ.

Мать просила Машу, чтобы она осталась съ нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обѣщала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

„А какъ же ты домой пойдёшь?“

„Пойду, покличу: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда и возьми меня“, онъ и выйдетъ на берегъ и возьметъ меня“.

Мать сказала тогда Машѣ; „ну, хорошо, только переночуй у меня“.

Маша легла и заснула, а мать взяла топоръ и пошла къ водѣ.

Она пришла къ водѣ и стала звать: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда“.

Ужъ выплылъ на берегъ. Тогда мать ударила топоромъ и отрубила голову. Вода сдѣлалась красною отъ крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говоритъ: „я пойду домой, матушка; мнѣ скучно стало“, и она пошла.

Маша взяла дѣвочку на руки, а мальчика повела за руку. Когда она пришла къ водѣ, она стала кликать: „Осипъ, Осипъ, выйди ко мнѣ“. Но никто не выходилъ.

Тогда она посмотрѣла на воду и увидала, что вода красная и ужова голова плаваетъ по ней.

Тогда Маша поцѣловала дочь и сына, и сказала имъ: „Нѣтъ у васъ батюшки, не будетъ у васъ и матушки. Ты, дочка,

будь птичкой ласточкой, летай надъ водой; ты сынокъ, будь соловейчикомъ, распѣвай по зарямъ: а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу“. И они всѣ разлетѣлись въ разныя стороны.

Воробей и ласточки. (Разсказъ).

Разъ я стоялъ на дворѣ и смотрѣлъ на гнѣздо ласточекъ подъ крышей. Обѣ ласточки при мнѣ улетѣли, и гнѣздо осталось пустое.

Въ то время, какъ они были въ отлучкѣ, съ крыши слетѣлъ воробей, прыгнулъ въ гнѣздо, оглянулся, взмахнулъ крылушками и юркнулъ въ гнѣздо; потомъ высунулъ оттуда свою головку и зачирикалъ.

Скоро послѣ того прилетѣла къ гнѣзду ласточка. Она сунулась въ гнѣздо, но какъ только увидала гостя, запищала, побилась крыльями на мѣстѣ и улетѣла.

Воробей сидѣлъ и чирикалъ.

Вдругъ прилетѣлъ табунокъ ласточекъ: всѣ ласточки подлетали къ гнѣзду—какъ будто для того, чтобъ посмотрѣть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робѣлъ, поворачивалъ голову и чирикалъ.

Ласточки опять подлетали къ гнѣзду, что-то дѣлали и опять улетали.

Ласточки не даромъ подлетали: они приносили каждая въ клювикѣ грязь и понемногу замазывали отверстіе гнѣзда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнѣздо, и отверстіе становилось всё тѣснѣе и тѣснѣе.

Сначала видна была шея воробья, потомъ уже одна головка, потомъ носикъ, а потомъ ничего не стало видно, ласточки совсѣмъ замазали его въ гнѣздѣ, и улетѣли и съ свистомъ стали кружиться вокругъ дома.

Камбизъ и Псаменитъ. (Исторія).

Когда царь Персидскій Камбизъ завоевалъ Египетъ и полонилъ царя Египетскаго Псаменита, онъ велѣлъ вывесть на площадь царя Псаменита съ другими египтянами и велѣлъ вывести на площадь двѣ тысячи человѣкъ, а съ ними вмѣстѣ Псаменитову дочь, приказалъ одѣть её въ лохмотья и выслать съ ведрами за водой; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ въ такой-же одеждѣ и дочерей самыхъ знатныхъ египтянъ. Когда дѣвицы съ воемъ и плачемъ прошли мимо отцевъ, отцы заплакали, глядя на дочерей. Одинъ только Псаменитъ не заплакалъ, а только потупился.

Когда дѣвицы прошли, Камбизъ выслалъ сына Псаменита съ другими египтянами. У всѣхъ ихъ вокругъ шеи были обвязаны верёвки, а во рту были удила. Ихъ вели убивать.

Псаменитъ видѣлъ это и понялъ, что сына ведутъ на смерть. Но такъ же, какъ и при видѣ дочери, когда другіе отцы плакали, глядя на своихъ дѣтей, онъ только потупился.

Потомъ прошёлъ мимо Псаменита прежній товарищъ его и родственникъ.

Онъ прежде былъ богатъ, а теперь какъ нищій просилъ милостыню по войску. Какъ только Псаменитъ увидалъ его, онъ назвалъ его по имени, ударилъ себя по головѣ и зарыдалъ. Камбизъ удивился тому, что Псаменитъ сдѣлалъ, и послалъ спросить его такъ:

„Псаменитъ! Господинъ твой Камбизъ спрашиваетъ: отчего когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакалъ, а нищаго, и вовсе не роднаго, такъ пожалѣлъ?“

Псаменитъ отвѣчалъ:

„Камбизъ! мое собственное горе такъ велико, что о немъ и плакать нельзя; а товарища мнѣ жалко стало за то, что онъ въ старости изъ богатства попалъ въ нищету“.

Былъ при этомъ другой плѣнный царь—Крезъ. Когда онъ услыхалъ эти слова, ему больнѣе показалось свое горе, и онъ заплакалъ—и всѣ Персы, что тутъ были, всѣ заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость, и онъ велѣлъ вернуть назадъ Псаменитова сына, а самого Псаменита привесть къ себѣ. Но сына не застали живымъ—онъ уже былъ убитъ, а самого Псаменита привели къ Камбизу, и Камбизъ помиловалъ его.

Акула. (Разсказъ).

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный, съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ; но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно и точно изъ топленой печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу крикнулъ: „купаться!“ и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались въ водѣ и что было силы поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: „не выдавай! понатужься!“.

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: „акула!“ и всѣ мы увидали въ водѣ спину морскаго чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

—„Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!“ закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ неё и, сгибая весла, понеслись что было силы къ мальчикамъ; но они были еще далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слыхали того, что имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услыхали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ перевернулъ хоботъ, прилегъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошелся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и наконецъ со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса? (Разсужденіе).

Когда сохнетъ вода, что дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздаётся и вся разойдётся на такія маленькія частички, что ихъ глазомъ не видать, и уйдётъ въ воздухъ. Частички эти, пары, носятся въ воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тёпелъ. Но остуди воздухъ, и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ видѣнъ.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдётъ паромъ и будетъ сухо. Поддай еще,—вода опять разойдётся. Если баня горяча: летучей воды разойдётся въ воздухѣ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воз-

духѣ бани и его не будетъ видно. Воздухъ бани впитаетъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь еще поддавать, то воздухъ уже напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечетъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

Если въ ту-же баню натопленную принесёшь горячіе кирпичи и станешь лить на нихъ воду, выльешъ шайку—она разойдётся и не будетъ видно, воздухъ всосётъ её въ себя. Но если станешь лить другую шайку, вода потечётъ каплями. Лишняя вода стечётъ каплями, и холодный воздухъ только будетъ держать одну шайку. Въ той же банѣ воздухъ, когда былъ горячъ, впиталъ ушатъ; а когда холоденъ, можетъ впитать только шайку.

Если подуть на стекло, на стеклѣ сядутъ капли. И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ больше сядетъ капель. Отчего это будетъ? Оттого что дыханіе человѣка теплѣе, чѣмъ стекло и въ дыханіи много летучей воды. Какъ только это дыханіе сядетъ на холодное стекло, изъ него выйдетъ вода.

Губка держитъ въ себѣ воду, и воды не видать, покуда губка не сожмется; но только что пожмёшь её, вода польётся. Также и воздухъ держитъ въ себѣ воду, пока онъ горячъ; а какъ онъ остынетъ, такъ вода польётся.

Если лѣтомъ вынесешь изъ погреба холодный горшокъ, по нёмъ сейчасъ сядутъ капли воды. Откуда взялась эта вода? Она тутъ и была. Только пока тепло было, ея не видно было, а какъ ушло тепло изъ воздуха въ холодный горшокъ, воздухъ вокругъ горшка остылъ, и капли сѣли. То-же бываетъ и на окнахъ. Въ горницѣ тепло, и пары держатся въ воздухѣ; но съ надворья остынутъ окна и снутри подлѣ оконъ воздухъ охолодѣетъ; и потекутъ капли.

Отъ этого же бываетъ роса. Какъ остынетъ земля ночью, надъ ней воздухъ остынетъ и изъ холоднаго воздуха выходятъ пары каплями и садятся на землю.

Иногда бываетъ, что и холодно на дворѣ, а въ горницѣ тепло,—а не потѣютъ окна: а иногда и теплѣе на дворѣ, а въ горницѣ не такъ тепло,—а потѣютъ окна.

Тоже иногда ночь теплая, а большая роса; а то холодная ночь и нѣтъ росы.

Отчего это бываетъ? Оттого что бываетъ сухой и сырой воздухъ. Сухой воздухъ бываетъ тогда, когда онъ не нагрѣваясь можетъ поднять еще много паровъ, а сырой тогда, когда онъ не нагрѣваясь не можетъ больше поднять паровъ. Сухой воздухъ—это губка не вся еще напитанная водой; а сырой воздухъ—губка вся напитанная водой. Чуть похолоднѣй воздухъ и чуть пожать губку, и потечетъ. Въ сыромъ воздухѣ всякая вещь, если она холоднѣе воздуха, намокнетъ, а въ сухомъ всякая мокрая вещь высохнетъ. Пары выйдутъ изъ нея, и воздухъ впитаетъ ихъ въ себя.

Архіерей и разбойникъ. (Быль).

Одного разбойника давно искали. Разъ онъ переодѣлся и пришёлъ въ городъ. Въ городѣ его узнали полицейскіе и погнались за нимъ. Разбойникъ бѣжалъ отъ нихъ и прибѣжалъ къ архіерейскому дому; ворота были открыты: онъ вошёлъ во дворъ.

Послушникъ спросилъ его—что ему нужно?

Разбойникъ не зналъ, что отвѣчать, и на-обумъ сказалъ: „мнѣ нужно Архіерея“.

Архіерей принялъ разбойника и спросилъ—за какимъ онъ дѣломъ пришёлъ къ нему?

Разбойникъ отвѣчалъ: „я разбойникъ, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя“.

Архіерей сказалъ: „я—старикъ, смерти не боюсь; но мнѣ жаль тебя. Поди въ ту горницу, ты усталъ отдохни, а я тебѣ пришлю поѣсть“.

Полицейскіе не посмѣли войти къ Архіерею въ домъ, и разбойникъ остался у него ночевать.

Когда разбойникъ отдохнулъ, Архіерей пришёлъ къ нему и сказалъ: „мнѣ жаль тебя, что ты холоденъ и голоденъ и что за тобой гоняются, какъ за волкомъ, но мнѣ всего болѣе жаль тебя за то, что ты зла много сдѣлалъ и душу свою губишь. Брось дурныя дѣла!“

Разбойникъ сказалъ: „нѣтъ, мнѣ уже не отвыкнуть отъ худаго; разбойникомъ жилъ, такимъ и умру“.

Архіерей ушёлъ отъ него, растворилъ всѣ двери и лёгъ спать.

Ночью разбойникъ всталъ и пошёлъ ходить по горницамъ. Ему удивительно показалось, какъ Архіерей ничего не заперъ и оставилъ всѣ двери настежъ.

Разбойникъ сталъ оглядываться кругомъ—что бы ему украсть, увидалъ большой серебряный подсвѣчникъ и думаетъ: возьму я эту вещь—она много денегъ стоитъ—и уйду отсюда, а старика убивать не буду. Такъ и сдѣлалъ.

Полицейскіе не отходили отъ Архіерейскаго дома и все время караулили разбойника. Какъ только онъ вышелъ изъ дому, его окружили и нашли у него подъ полой подсвѣчникъ.

Разбойникъ сталъ отпираться, но полицейскіе сказали: „если ты отъ прежнихъ дѣлъ своихъ отпираешься, то отъ кражи подсвѣчника отклепаться не можешь. Пойдемъ къ Архіерею—онъ тебя уличитъ“.

Привели вора къ Архіерею, показали ему подсвѣчникъ и спросили: „ваша ли это вещь?“ Онъ говоритъ: „моя“.

Полицейскіе сказали: „у васъ украли эту вещь, а вотъ воръ“.

Разбойникъ молчалъ и у него какъ у волка бѣгали глаза.

Архіерей ничего не сказалъ, вернулся въ горницу, взялъ тамъ дружку отъ того же подсвѣчника, далъ разбойнику и говоритъ: „зачѣмъ же ты, дружокъ, только одинъ подсвѣчникъ взялъ? Вѣдь я тебѣ оба подарилъ“.

Разбойникъ заплакалъ и сказалъ полицейскимъ: „я воръ и разбойникъ, ведите меня!“

Потомъ онъ сказалъ Архіерею: „прости меня ради Христа и помолись за меня Богу“.

Ермакъ. (Исторія.)

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хорошая земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка нерублены. Въ лѣсахъ звѣря много, а по рѣкѣ озеръ рыбныя, и никто на той землѣ не живетъ, только захаживаютъ Татары.

Строгоновы написали Царю письмо. „Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберёмъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу Татарамъ“.

Царь согласился и отдалъ имъ землю. Строгоновы послали прикащиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гуляющаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину, и никакихъ оброковъ не брали, только живи и, когда нужда, выходи съ народомъ биться съ Татарами. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ 20-ть. Строгоновы купцы еще сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало этой земли на 140 верстъ. Захотѣли они еще болѣе земли. Верстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы, Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этой землей Сибирскій князёкъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился Царю Русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ раззорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали Царю: „отдалъ ты намъ землю, мы ее подъ твою руку покорили; теперь воровской царёкъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ раззорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведёмъ“. Царь согласился и отписалъ: „Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только у Россіи много народу не сманивайте“.

Вотъ Строгоновы какъ получили отъ Царя письмо, послали прикащиковъ ещё собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и Дону. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ Атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали прикащики на Волгу и стали спрашивать: какіе тутъ казаки слывутъ. Имъ и говорятъ: „казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ, есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимофеича, Атамана.

У того человѣка 1000 народа и его не только народъ и купцы боятся, а царское войско къ нему приступить не смѣетъ“.

И поѣхали прикащики къ Ермаку Атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ прикащиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгонову казаки человѣкъ 600 съ Атаманомъ Ермакомъ Тимофеичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгоновъ на ближнихъ Татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говоритъ: „я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете“. А Ермакъ говоритъ: „я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь, набаловались. Дай намъ работу“. Строгоновъ и говоритъ: „идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладайте его землею. Васъ и Царь наградитъ“. И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

„Вы меня срамите передъ хозяиномъ—все безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдете? На Волгѣ царскаго войска много, васъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа“.

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошёлъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ и думаетъ; хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся, раззорятъ меня. Согласился Строгановъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

1-го сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20-ть человѣкъ. Плыли они четыре дня на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя.

Распросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и верстъ 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ, и выгрузили всю снасть; и струги побросали, а наладили телѣги, уложили всё и пошли сухопутьемъ—черезъ горы. Мѣста всё были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню, на рѣку. Тутъ опять постояли, и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли мѣста ещё веселѣе: луга, лѣса, озера. И рыбы и звѣря много; и звѣрь непуганный. Проплыли еще день, выплыли въ Туру рѣку. Тутъ по Турѣ рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ нёмъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ, и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьёмъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: какіе они люди и подъ чьей рукой живутъ? Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится, а мѣста, что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ не сильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почётнаго, стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что онъ за человѣкъ? Онъ и говоритъ: „я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городѣ“.

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя. Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузикъ все разсказалъ. Говоритъ: „Кучумъ первѣйшій царь на свѣтѣ. Городъ его Сибирь—самый большой городъ на свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума царя счёту нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ“.

А Ермакъ говоритъ: „мы, русскіе пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять, русскому Царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ—счёту имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки, стрѣлы. Вотъ смотри".

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололъ, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: „ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ". И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ, и все къ Сибири городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ,—на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ—узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: „это войско Кучумово собралось. А начальникъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ—Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьетъ".

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять, и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушёлъ.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трехъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошёлъ, вернулся и говоритъ: „тутъ живётъ Кучумовъ слуга Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка".

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

„Ну ребята, если не возьмёмъ этого городка, татары запируютъ. И намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ,

то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ". Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины ковровъ, мѣховъ и мёду много. Похоронили мертвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Не далеко проплыли, смотрятъ—на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки. Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ. „Ну что, ребята, какъ быть?"

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: надо мимо плыть; другіе говорятъ: назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: „зачѣмъ ты насъ завёлъ сюда? Вотъ перебили ужъ изъ насъ сколько да переранили; и всѣ мы тутъ пропадёмъ". Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью, Ивану Кольцо: „ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?" А Кольцо и говоритъ: „а я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра; а не завтра, такъ даромъ на печи помремъ. По мнѣ—выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ,—что Богъ дастъ?"

Ермакъ и говоритъ: „ай молодецъ, Ваня! Такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти—перебьютъ; мимо плыть—перебьютъ; здѣсь стоять—перебьютъ. Куда же намъ попятиться. Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку—везётъ и по ровному везётъ, а какъ придётся въ гору, заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ-возилъ её коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ её батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось, прямо на татаръ ломить".

Засмѣялись казаки, говорятъ: „видно ты Тимофеичъ умнѣе нашего; насъ дураковъ и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать“, Ермакъ и говоритъ: „ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они ещё насъ всѣхъ не видали. Разобьёмтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучки въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ—выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьёмъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ“.

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили—справа Иванъ Кольцо, слѣва—Мещерякъ атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошёлъ въ самый городъ Сибирь. И на сѣлъ туда Ермакъ ровно какъ Царёмъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири: а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: Маметкулъ опять на тебя идетъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ и самого Маметкула забралъ живьёмъ и привёзъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ Татаръ осталось, а какіе не покорились, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, по Оби рѣкамъ завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдёшь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгоновымъ и письмо. „Я говоритъ, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привёлъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ“.

И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ всё держалъ Сибирь, помощь изъ Россіи всё не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: „мы тебѣ покорились, а насъ Нагайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Нагайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ ни обидимъ такъ мы тебѣ клятву дадимъ“.

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ человѣкъ татары бросились на нихъ и побили; казаковъ еще меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь городъ товаръ везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти.

Ермакъ взялъ съ собой 50 человѣкъ и пошёлъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришёлъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, и нашёлъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только полегли спать казаки: откуда не взялись татары, бросились на сонныхъ; начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣло его не нашли, и никто не знаетъ, какъ онъ умеръ.

Да другой годъ пришло царское войско, и Татары замирились.

Сухманъ. (Стихи—сказка).

Какъ у ласкова князь Владиміра
Пированье шло, шёлъ почестенъ пиръ
На бояръ, князей, добрыхъ молодцевъ.
На пиру-то всѣ порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конёмъ,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ призадумавшись
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничѣмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ пахажива(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ потряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
„Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
„Что не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
„Бѣлой лебеди ты не рушаешь,
„И ничѣмъ въ пиру ты не хвастаешь?“
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
—„Если хвастать мнѣ ты приказываешь,
—„Привезу-жъ къ тебѣ я, похвастаю,
—„Лебедь бѣлую не кровавлену
—„И не ранену, а живьёмъ въ рукахъ“.
И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свого добраго,
Выѣзжалъ Сухманъ ко синю морю,
Ко синю морю, къ тихимъ заводамъ.

Подъѣзжалъ Сухманъ къ первой заводи,
Не наѣзживалъ бѣлыхъ лебедей.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ другой заводи,
Не нахаживалъ гусей-лебедей.
И у третьей тихо заводи—
Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лебедей.
Тутъ Сухмантьюшка призадумался:
„Какъ поѣду я въ славный Кіевъ-градъ?
„Что сказать будетъ князь-Владиміру?"
И поѣхалъ онъ къ мать Нѣпрѣ рѣкѣ,
Глядь-течётъ Нѣпра не по старому
Не по старому, не по прежнему.
А вода съ пескомъ въ ней смутилася.
Тутъ Нѣпру рѣку Сухманъ спрашивалъ:
„Что течёшь ты такъ, мать Нѣпра рѣка,
„Не по старому, не по прежнему,
„А вода съ пескомъ помутилася?"
Испровѣщится мать Нѣпра рѣка:
„Я затѣмъ теку не по старому,
„Не по прежнему, по старинному,
„Что стоятъ за мной, за Нѣпрой рѣкой,
„Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей.
„Они мостъ мостятъ съ утра до ночи.
„Что намостятъ днёмъ, то въ ночь вырою,
„Да изъ силъ ужъ я выбиваюся".
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
„То не честь-хвала молодецкая—
„Не отвѣдать мнѣ силъ татарскіихъ".
И пустилъ коня своего добраго,
Чрезъ Нѣпру рѣку перескакивалъ,
Не мочилъ копытъ его добный конь.
Подбѣжалъ Сухманъ ко сыру дубу,
Ко сыру дубу, кряковистому,
Дубъ скореньями выворачивалъ,
А съ комля дуба бѣлый сокъ бѣжалъ;
Ту дубинучку за вершину бралъ
И пустилъ коня на Татаровей.
Сталъ Сухмантьюшка поворачивать,
Той дубиночкой сталъ помахивать.

Какъ махнётъ впередъ, станетъ улица,
Отвернётъ назадъ переулочекъ.
Всѣхъ побилъ Татаръ Одихмантьевичъ,
Убѣжало ли три Татарченка,—
Подъ кусточками, подъ ракитовыми
У Нѣпры рѣки схоронилися.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ мать Нѣпрѣ рѣкѣ,
Изъ подъ кустиковъ въ Одихмантьича
Три Татарченка стрѣлки пустили
Во его бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ-Сухмантьюшка стрѣлки выдернулъ
Изъ своихъ боковъ, изъ кровавыхъ ранъ,
Листьемъ маковымъ позатыкивалъ,
И споролъ ножомъ трёхъ Татарченковъ.
Пріѣзжалъ Сухманъ къ князь-Владиміру,
Привязалъ коня на дворѣ къ столбу,
Самъ входилъ Сухманъ во столовую.
Тутъ Владиміръ князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживаетъ,
Одихмантьичу выговариваетъ:
„Чтожъ, Сухмантьюшка не привёзъ ты мнѣ
„Лебедь бѣлую не кровавлену?"
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
„Гой, Владиміръ князь, за Нѣпрой рѣкой
„Доходило мнѣ не до лебедей:
„Повстрѣчалась мнѣ за Нѣпрой рѣкой
„Сила ратная въ сорокъ тысячей:—
„Шли во Кіевъ градъ злы Татаровья,
„Съ утра до ночи мосты ладили,
„А Нѣпра рѣка вырывала въ ночь,
„Да изъ силъ она выбивалася.
„Я пустилъ коня на Татаровей;
„И побилъ ихъ всѣхъ до единаго".
Володиміръ князь, красно солнышко,
Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ,
Приказалъ слугамъ своимъ вѣрныимъ
Брать Сухматія за бѣлы руки,
Въ погреба сажать во глубокіе;
А Добрынюшку посылалъ къ Нѣпрѣ

Про Сухматьевы свѣдать заработки.
Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свого добраго,
Выѣзжалъ въ поле къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ.
Увидалъ,—лежитъ сила ратная,
Въ сорокъ тысячей, вся побитая,
И валяется дубъ съ кореньями,
На лучинушки весь исщепанный.
Дубъ Добрынюшка подымалъ съ земли,
Привозилъ его ко Владиміру,
Такъ Добрынюшка выговаривалъ:
„Правдой хвастаетъ Одихмантьевичъ:
„За Нѣпрой рѣкой я видалъ—лежатъ
„Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей,
И дубиночка Одихмантьича".
На лучиночки вся изщеплина
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи,
Таковы слова выговаривалъ:
„За услуги тѣ за великія
„Добра молодца буду миловать,
„Буду жаловать его до люби
„Городами ли съ пригородками,
„Еще сёлами да съ просёлками,
„Золотой казной да безсчётною".
Въ погреба идутъ во глубокіе
Къ Одихмантьичу слуги вѣрные,
Говорятъ ему таковы слова:
„Выходи, Сухманъ, ты, изъ погреба:
„Володиміръ князь тебя милуетъ,
„За твои труды за великіе
„Хочетъ солнышко тебя жаловать
„Городами ли съ пригородками,
„Еще сёлами да съ присёлками
„Золотой казной да безсчётною".
Выходилъ Сухманъ во чисто поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:

„Гой, Владимiръ князь, ласково солнышко,
„Не умѣлъ меня въ пору миловать,
„Не умѣлъ же ты въ пору жаловать,
„А теперь тебѣ не видать будетъ,
„Не видать меня во ясны очи“.
И выдёргивалъ Одихмантьевичъ
Изъ кровавыхъ ранъ листье маково,
Свѣтъ-Сухмантьюшка приговаривалъ:
„Потеки рѣка отъ моей крови,
„Отъ моей крови отъ горючія,
„Отъ горючія, отъ напрасныя,
„Потеки Сухманъ, ахъ Сухманъ рѣка.
„Будь Нѣпрѣ рѣкѣ ты родна сестра“.

Въ новыхъ книжныхъ магазинахъ Кесслера и Гинзбурга продаются слѣдующія сочиненія того же автора:

1) Новая азбука [illegible] въ азбуку и первыя упра- [illegible] [illegible]

2) Первая русская книга для чтенія. Цѣна 10 коп.

3) Вторая русская книга для чтенія. Цѣна 12 коп.

4) Третья русская книга для чтенія. Цѣна 12 коп.

5) Четвертая русская [illegible] Цѣна [illegible]

6) Первая славянская книга для чтенія. Цѣна 15 коп.

7) Вторая славянская книга для чтенія. Цѣна 20 коп.

8) Третья славянская книга для чтенія. Цѣна 15 коп.

9) Четвертая славянская книга для чтенія. Цѣна 20 коп.

10) [illegible] Цѣна 15 коп.

11) Полное собраніе сочиненій. 12 томовъ, цѣна 16 р. 50 к.

12) [illegible] 6 томовъ, 9 руб.

13) Дѣтство и Отрочество. [illegible] изданіе, переработанное [illegible] Цѣна [illegible]

Цѣна 12 коп.